

**Кобозева Зоя Михайловна**

кандидат исторических наук,  
доцент кафедры Российской истории  
Самарского государственного университета  
dom-hors@mail.ru

**АНТРОПОЛОГИЯ  
ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТА:  
МАКРОИСТОРИЯ ИЗ МИКРОАНАЛИЗА**

**Аннотация:**

*Данная статья посвящена исследовательской рефлексии в отношении познавательных приоритетов, методов и концепций, позволяющих объединить микро- и макроподходы в исследовании сословной жизни провинциального мещанства второй половины XIX – начала XX в. Автор выступает сторонником программы синтеза макро- и микроистории через понимание социальной исторического субъекта, провинциального мещанина, как результата его взаимодействия внутри сословной группы и вне ее, и как явления интертекстуального порядка.*

**Ключевые слова:**

*мещанство, сословие, антропология, макроистория, микроистория, история повседневности.*

**Kobozeva Zoya Mikhaylovna**

PhD in History, Assistant Professor of  
the Russian History Department,  
Samara State University  
dom-hors@mail.ru

**ANTHROPOLOGY OF EVERYDAY LIFE:  
MACRO-HISTORY  
BASED ON MICROANALYSIS**

**Summary:**

*The article deals with the problem of research reflection regarding the cognitive priorities, methods and conceptions, allowing to unite micro- and macro-approaches in study of the provincial lower middle classes of the late 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> centuries. The author supports the program of synthesis of the macro- and micro-history through comprehension of the social nature of the historical subject, the provincial petty bourgeois, as the result of his interaction within the class group and beyond it, and as a phenomenon of the inter-textual character.*

**Keywords:**

*petty bourgeois, estate, anthropology, macro-history, micro-history, history of everyday life.*

Круг источников, позволяющий реконструировать сословную жизнь провинциального мещанства второй половины XIX – начала XX в., опирается на фонды городской думы и мещанской управы [1]. Отсюда проистекает такая специфическая черта, свойственная делопроизводственной документации, как лапидарность сюжета. Тысячи «маленьких трагедий», не имеющих биографического начала и конца и повествующих о конкретном мгновении в жизни индивида. Они могут быть или «проигнорированы» в результате усредненности и типизации, включения в статистику, в обобщения, констатирующие тенденции, пополняющие «царство массовости и обезличенности» [2] или стать объектом пристального внимания на предмет выявления человеческой субъективности со всей неповторимостью индивидуального проживания исторического времени. Так как источники по истории мещанского сословия в пореформенный период систематизированы в архиве, в основном, соотносясь с групповым принципом, и, тем не менее, каждый из них, взятый в отдельности, заключает в себе неповторимый индивидуальный колорит частного события, мы пришли к мысли о необходимости исторического синтеза системно-структурного, социокультурного и психологически-личностного подходов в изучении проблемы мещанской повседневной жизни, протекающей в границах сословности. Необходимо было, анализируя мир социальных отношений, повседневности, воображаемого, не только сосредоточиться на «малоподвижной структуре коллективного сознания», но и «зафиксировать целостность исторической действительности в фокусе человеческой субъективности», обратив особое внимание на «проблему самоидентификации личности, личного интереса, целеполагания, рационального выбора» [3]. Подобного результата можно добиться только с помощью синтеза макро- и микроподходов.

Различные программы макро- и микроподходов в границах социальной истории, как правило, все же разводят свои предметы: часть продолжает методами социологии изучать классы, сословия и иные большие группы людей, другие, сделали предметом своего изучения «социальные микроструктуры: семью, общину, приход, разного рода другие общности и корпорации» [4]. Нами был выбран типичный для отечественной историографии макрообъект – сословная структура. Но подходы к анализу были определены с позиций исторической антропологии, при которых «социальность исторического субъекта принималась как атрибут и следствие непосредственного межличностного общения в микрогруппах» [5]. Мы исходили из уверенности в том, что «микрокосмические» процедуры, выходя в «макроисторическое пространство», «вполне способны выполнять роль первичных блоков в более амбициозных проектах социоистории» [6]. Реальность человеческих связей и отношений в рамках такого значительного социального локуса как сословие может быть понята через многосторонний ситуационный анализ, позволяющий реконструировать инди-

видуальное событие в его целостности, «то есть раскрыть конкретную совокупность условий, мотивов, действий, переживаний, восприятий и реакций, а так же последствий человеческих поступков» [7]. Как отмечает в своем исследовании Л.П. Репина, «установление всех вариантов практических решений, оказавшихся возможными в данном социальном контексте, в перспективе может позволить перейти от индивидуального опыта к коллективному и к характеристике самого социума» [8]. П. Бурдые в этом отношении отмечал, что «тысячи бесконечно малых происшествий», интегрируясь, порождают «объективное чувство, воспринимаемое объективным аналитиком» [9]. «В обновленной социальной истории в центре системы должен стоять «деятель», «агент», «актор», субъект исторического действия – «человек» или «коллектив» (социальная группа), выступающий в неискоренимом дуализме своей социальности: с одной стороны, как итог культурной истории, всего прошлого развития, с другой – как персонификация общественных отношений данной эпохи и данного социума» [10]. На современном историографическом этапе ясно одно, один метод не исключает другой, «исследование механизма трансформации потенциальных причин в актуальные мотивы человеческой деятельности предполагает обращение как к макроистории, которая выявляет влияние общества на поведение личности, так и к микроистории, способной раскрыть способы включения индивидуальной деятельности в коллективную» [11].

В определении микроистории мы склонны солидаризироваться с позицией, высказанной И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым, которые писали, что «определяют микроисторию как историографическое направление, изучающее прошлую социальную реальность на основе микроаналитических подходов, сформировавшихся в современных социальных науках (прежде всего в социологии, социальной психологии, экономической теории и культурной антропологии), включая как выбор объектов исследования, так и соответствующие им методы (теоретический и эмпирический инструментарий). Иными словами, микроистория – это исследование прошлой социальной реальности, использующее в настоящее время методы микроанализа, разработанные в социальных науках, и модифицирующие их с учетом исторической специфики» [12]. Микроуровень в социологии подразумевает изучение таких проблем как групповая идентичность, внутригрупповое взаимодействие, интеракции («отношения власти, способы коммуникации, распределение ролей и т.д.» [13]). Изучая сословие, казалось бы, мы затрагиваем сферу макросоциологии, однако применяемая исследовательская «оптика» обращает нас именно к микроявлению внутри макрообъекта.

Проблема уровня анализа зависит от выбора социального контекста, в рамках которого рассматривается то или иное явление. Те методы, которые традиционно относятся к микросоциологии, в частности, теория символического интеракционизма, могут быть использованы для анализа таких крупных социальных групп, каким являлись сословия. Кроме того, можно использовать и такие методы как социометрия (анализ межличностных отношений симпатии и антипатии), теорию групповой динамики (анализ отношений внутри группы), психотерапевтическое направление (игровое, спонтанное моделирование внутригрупповых отношений [14]).

До сих пор историками ведутся дискуссии, касающиеся таких проблем, вызываемых методом микроистории, как соотношение «генерализации и индивидуализации», «мелочей и подробностей», «понятий и образов», «взаимодействия макро и микроанализа» [15]. «В контексте привычных историку дихотомий: общее-особенное (частное), массовое-единичное, закономерное-случайное – микроистория тяготеет ко второму компоненту» [16]. В отношении противопоставления «генерализирующего и индивидуализирующего познания», хотелось бы выдвинуть следующие приоритетные для нас позиции: во-первых, это исследовательский путь от единичного наблюдения к теоретическим обобщениям («малозаметные признаки или отдельные казусы могут содействовать выявлению более общих феноменов» [17]); во-вторых, нам кажется искусственно усиленной игра в понятия «мелочи и подробности». Эта ситуация во многом была спровоцирована известным высказыванием Дж. Леви о том, что «микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» [18]. Под «рассмотрением в подробностях» понимается детализация исследований [19]. Рассмотрение в мелочах – это и есть детализация. Нет необходимости искусственно усложнять все, играя в слова. Мы начинаем рассмотрение того или иного явления с детали, с подробности, с мелочи. Скрупулезный поиск в источнике «человека» – так нами понимается деталь (она же подробность, она же мелочь). Эта деталь способна как разрушить общую схему, так и придать ей новый ракурс, новое видение, обнаружить новые свойства. Идя «от человека», а не от объективных закономерностей исторического процесса, мы, вполне возможно, подтвердим их, но при неперемennom условии: реконструировав личность живую, мечущуюся, эмоционально проживающую свою жизнь. Наш микроанализ вызван именно скупостью эго-источников, применительно к мещанству. Поэтому историческому осмыслению такого сложного явления как мещанская сословная идентичность, может помочь только глубоко запрятанная в делопроизводственном тексте деталь, она же мелочь, она же подробность.

В отношении дискуссий о научных «понятиях и образах», используемых микроисторией, Савельева и Полетаев останавливаются на двух «казусах»: «масштаб» и «микроскоп» [20]. Из всех рассуждений авторов, мы согласны только с тем, что «метафоры и аналогии – вещь в

науке весьма опасная» [21], если придавать им гипертрофированное значение. С другой стороны, мы не склонны уходить от норм русского языка, которые понимают под масштабом как словом, заимствованным из области картографии, архитектуры и оптики, отношение длины отрезков на чертеже к длинам соответствующих им отрезков в натуре. Поэтому для нас исследовательский масштаб выступает как соотношение «отрезка» события, выхваченного из жизни ничем не примечательного горожанина, отображенного в документе, к «отрезку» сословной жизни, начертанной для многих таких ничем не примечательных горожан, законодательством и властью. Третьим «отрезком» выступает некая сословная модель «снизу», которая получается в результате адаптации и приспособления многочисленными актерами той структуры, которая была для них спущена «сверху». Но из дискуссии о масштабах, которая становится принципиальной для историка, связанного с микроисторией, в которой упрощенно можно выделить два масштаба, микро и макро, заслуживает внимания исследовательская рефлексия по этому вопросу П. Рикера [22].

Свой анализ проблемы выбора историком масштаба автор начинает с модели, предложенной Лабруссом и Броделем, а также значительной частью представителей школы «Анналов», демонстрирующих макроисторический подход, «последовательно распространяющийся от экономического и географического основания истории на социальный и институциональный слой и на явления так называемого “третьего типа”, к которым относятся наиболее устойчивые формы преобладающих ментальностей» [23]. Микроисторическое направление итальянской историографии П. Рикер обозначил как «микроисторический демарш» [24], связанный с проблемой «варьирования масштабов» [25]. Совершенно справедливо П. Рикер подчеркивает такую сильную сторону микроистории как то, что при смене масштабов «видны не одни и те же звенья: выступают связи, оставшиеся незамеченными на макроисторическом уровне» [26]. При переходе к большему масштабу происходят «потери в том, что касается деталей» [27]. В рассматриваемой работе встречаем и понятие «анекдота». В нашем микроисследовании мещанских поведенческих практик провинциального пореформенного города слово «анекдот» присутствует и как метафора и как историографический прием. Уже после формирования базы источников исследования пришло понимание того, что А.Б. Каменский вкладывал в название своей книги о городской повседневности: «исторические анекдоты» [28]. П. Рикер при характеристике методов микроистории также говорит о том, что важно «не впасть в событийную историю, не вернуться к анекдоту» [29]. В нашем понимании «анекдот» – это, как писала в своем исследовании Н.З. Дэвис, – «разные жизни, но разыгранные, так сказать, на общем поле» [30]. Это то, как мещане или их сословные представители, вкусившие «от городского говора и печатного текста» [31], объясняли свои жизненные ситуации власти. Таким образом, мы сознательно «впадаем» в событийную историю и возвращаемся к «анекдоту», позволяющему увидеть и услышать мещанина, не исковерканного типизацией.

Возвращаясь к другой метафоре Савельевой и Полетаева – к «микроскопу» – следует отметить, что он должен пониматься как степень пристальности разглядывания все той же детали, которая, действительно, может быть такой неприметной, что требует микроскопа. Так, например, стихи одного мещанского мальчика, написанные на оборотной стороне отцовского паспорта, подписанные псевдонимом «Жук» и посвященные Великому потоку [32].

И, наконец, Савельева и Полетаев принципиально возражают тезису, высказанному Л.П. Репиной о том, что микроисторические исследования можно использовать в качестве «первичных блоков в более амбициозных проектах социоистории» [33]. Авторы утверждают: «...как показывает опыт полувековых дискуссий о соотношении макро- и микроанализа, ведущихся в экономике и социологии, эти два подхода не сводимы один к другому и микроаналитические исследования не могут служить блоками для построения макротеорий общественного развития» [34]. По мнению Савельевой и Полетаева, «соединить микро- и макротеории в непротиворечивую систему до сих пор не удавалось» [35].

Согласиться с подобным утверждением для нас означает перечеркнуть основную идею, согласно которой мы приняли условия «игры», навязанной нам и людям прошлого властью и законом: отказаться от того, чтобы взять ту социальную структуру, которую использовалась вплоть до 1917 г., сословие, в качестве рамки и опустить ее на повседневную жизнь, чтобы посмотреть, как можно строить свои поведенческие тексты, жить, любить, страдать, веселиться, надеяться и считать деньги в границах определенных прав и обязанностей. Причем, мы постарались сознательно увести эту повседневную жизнь от такого тоталитарного объяснительного механизма как марксистская классовая теория. Но чтобы «спасти» повседневность от нее, нужно было придавать смыслы и значения несколько иным историческим фактам, чем это делалось традиционно в отечественных микроисследованиях. Поэтому возник соблазн принять «условия», навязанные властью и рассмотреть мировоззрение маленького человека провинциального города как части сословной структуры и имперского дискурса. Добиться такой исследовательской «оптики» возможно только при сочетании микро- и макроподходов.

В методологическом отношении, в частности, в обосновании возможности сочетания методов микро- и макроанализа применительно к широким социальным группам, нам наиболее близок

А.Б. Каменский, который в Предисловии к своей монографии «Повседневность русских городских обывателей» доказал необходимость подобных исследований для «рассмотрения провинции, как микрокосма всего общества, особенно в периоды значительных изменений» [36]. Автор особо подчеркивает тот факт, что разочарование в возможностях макроистории не отменяет ее как таковую, а означает «лишь, что концептуализация истории на макроуровне переживает методологический кризис, в значительной мере связанный с процессом реструктуризации всего социогуманитарного знания». Прогноз А.Б. Каменского сводится к тому, что «вероятно, в будущем мы придем к созданию таких концепций именно через микроисторию, историю семьи и частной жизни, гендерную историю, case-study, локальную историю, историю повседневности и т.д.» [37].

Таким образом, в границах микроисследования мы видим такие поведенческие стратегии: семейные, индивидуальные, групповые «перед лицом экономической реальности, иерархических отношений, во взаимодействии между центром и периферией» [38], которые вызваны человеческой субъективностью и игрой судьбы и обстоятельств. С другой стороны, мы не можем игнорировать и некоторые макропроцессы, «габитусы», определяющие поведение индивидов в тех или иных ситуациях, создающие определенную систему координат, относительно которой протекает жизнь, наполненная «вызовами» власти. В этом отношении для всестороннего анализа дихотомии «мещанин-власть» и чтобы не свести «познание к регистрации», оказываются необходимыми несколько теорий, пришедших в историю из структурализма и социологии, теория «социального пространства» П. Бурдьё, теория «знания-власти» М. Фуко, символический интеракционизм Дж.Г. Мида и теория социальной рефлексивности Э. Гидденса.

Признавая вслед за Бурдьё идею о том, что социальное пространство «столь же реально, как географическое пространство» [39], нам видится верным анализировать мещанское сообщество города как «многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат», а также распределение власти, «активированной в каждом отдельном поле» [40]. «Это, главным образом, экономический капитал в его разных видах, культурный капитал и социальный капитал, а также символический капитал, обычно называемый престижем, репутацией, именем и т.п.» [41].

Разделяя тезис, сформулированный сторонниками теории социального действия о том, что структура формируется с помощью действия и взаимодействия [42], мы анализируем поведение акторов-мещан, то, как они относились друг к другу и обществу. Но символический интеракционизм гораздо шире одного действия. Он возник из интереса к языку и смыслу [43]. Через язык люди получают возможность «стать существами, обладающими самосознанием, то есть знающими о своей индивидуальности и способными себя увидеть со стороны, так, как нас видят другие» [44]. И в этом процессе главным элементом становится символ. Дж. Мид утверждал, что «люди полагаются на общепринятые символы и представления при взаимодействии друг с другом» [45]. Мы не склонны преувеличивать влияние символического общения в формировании общества и его институтов, но при рассмотрении повседневной сословной жизни, символический интеракционизм предоставляет возможность выявить такие депрессии, которые скрепляли, удерживали и охраняли «от распада живую пластичную ткань психических образов, совершенно аналогично тому, как скелет фиксирует живую, пластичную ткань коллоидных белков нашего тела» [46].

В рассуждениях о власти и обществе М. Фуко центральная роль отводится дискурсу. Нас интересуют две концепции М. Фуко: об «археологии знания» и о «знании-власти». Первая излагается в книге «Слова и вещи» [47]. Обосновав понятие эпистемы, Фуко породил соблазн выявления этого глубинного, фундаментального уровня в пространстве того явления, которым занят историк, идущий по стопам Фуко. В нашем случае подобной «эпистемой», или «априори», задающим «условие», выступает «золотой век городского гражданства», он же «потерянный рай», он же некая аутентичная русскому урбанизму структура, чье угасание растянулось на весь пореформенный период. Именно в ней, а не во всеобщем постреформенном городском пространстве мы уловили некую взаимосвязь между языком, мышлением, знанием и вещами. «Дискурсивным событием» для данной эпистемы, на наш взгляд, выступает «Жалованная грамота городам» Екатерины II. «Популяцией событий в пространстве дискурса» являлось городское самоуправление, проявившее себя в период до реформы 1870 г.

Тема «знания-власти», сформулированная М. Фуко в его книге «Надзирать и наказывать» [48], доказывает распространение власти на всю сферу социального. Антропологические методы исследования, применяемые в нашей работе, дают нам право обозначить некое коллективное мещанское «тело», оно же вместилище души. И вслед за Фуко утверждать, что «тело непосредственно погружено и в область политического. Отношения власти держат его мертвой хваткой. Они захватывают его, клеймят, муштруют, пытаются, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки» [49]. И, несмотря на то, что по существу в качестве объекта исследования нами берется сословная структура, вслед за Фуко мы считаем, что «отношения власти не локализируются между государством и гражданами или на границе между классами», а «выражаются в бесчисленных точках столкновения и очагах нестабильности» [50]. Многочислен-

ные латентные техники «захвата тела» мещанина властью проявлялись в системе паспортного контроля, в рекрутстве, в вопросах веры, собственно, во всех сферах общественной и частной жизни мещанина, так как жизнь человека – это «дисциплинарное пространство», в котором он живет, из которого бежит и куда возвращается, чтобы закончить свой жизненный путь.

В целом, безусловно, нельзя не согласиться с выводом Н.Е. Копосова о том, что «микроистория как логически независимая по отношению к макроистории методологическая перспектива возможна при выполнении одного из двух условий: либо если она откажется от предполагающих обобщение интеллектуальных стандартов, либо если она выработает такие формы обобщения, которые будут логически независимы от тех, на которых основана макроистория» [51]. Но почему-то Н.Е. Копосов считает, что «рассказать человечеству о его судьбе» может только «глобальная история», а в «осколках прошлого» историки «смогли открыть мало новых глубин» [52].

Нам все же видится, что «осколки» мещанской жизни, необычайно ценны для антропологического постижения истории, ибо не на «глубине», а в «мелководье», в прозрачной воде возможно увидеть обитателей «дна».

### Ссылки:

1. ГУСО ЦГАСО. Ф. 170, 217.
2. Репина Л.П. Новая историческая наука и социальная история. М., 2009. С. 271.
3. Там же.
4. Там же. С. 27.
5. Там же. С. 82.
6. Там же. С. 77.
7. Там же. С. 300.
8. Там же.
9. Бурдые П. Начала. М., 1994. С. 136–137.
10. Репина Л.П. Указ. соч. С. 308.
11. Там же.
12. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. Т. 2. Образы прошлого. СПб., 2006. С. 651.
13. Там же.
14. Там же. С. 654–655.
15. Там же. С. 659–665.
16. Там же. С. 660.
17. Там же.
18. Там же. С. 661.
19. Там же.
20. Там же. С. 662–664.
21. Там же. С. 663.
22. Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 293–319.
23. Там же. С. 293.
24. Там же. С. 294.
25. Там же.
26. Там же. С. 295.
27. Там же. С. 296.
28. Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2007.
29. Рикер П. Указ. соч. С. 299.
30. Дэвис Н.З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. М., 1999. С. 237.
31. Там же. С. 237.
32. ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 1558. Л. 285.
33. Репина Л.П. Указ. соч. С. 77.
34. Савельева И.М., Полетаев А.В. Указ. соч. С. 664–665.
35. Там же. С. 665.
36. Каменский А.Б. Указ. соч. С. 11.
37. Там же. С. 11–12.
38. Рикер П. Указ. соч. С. 302.
39. Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 18.
40. Там же. С. 16.
41. Там же.
42. Бурдые П. Социология социального пространства. М.-СПб., 2005. С. 31.
43. Там же.
44. Там же.
45. Там же.
46. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 1989. С. 131.
47. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
48. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
49. Там же. С. 39–40.
50. Там же. С. 41–42.
51. Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. С. 142.
52. Там же. С. 5.

### References:

1. GUSO TsGASA. F. 170, 217.
2. Repina, LP 2009, *The new science of history and social history*, Moscow, p. 271.

3. Repina, LP 2009, *The new science of history and social history*, Moscow, p. 271.
4. Repina, LP 2009, *The new science of history and social history*, Moscow, p. 27.
5. Repina, LP 2009, *The new science of history and social history*, Moscow, p. 82.
6. Repina, LP 2009, *The new science of history and social history*, Moscow, p. 77.
7. Repina, LP 2009, *The new science of history and social history*, Moscow, p. 300.
8. Repina, LP 2009, *The new science of history and social history*, Moscow, p. 300.
9. Bourdieu, P 1994, *Beginning. Moscow*, pp. 136-137.
10. Repina, LP 2009, *The new science of history and social history*, Moscow, p. 308.
11. Repina, LP 2009, *The new science of history and social history*, Moscow, p. 308.
12. Savelyeva, IM & Poletaev, AV 2006, *Knowledge of the Past: Theory and History. In 2 vols., vol. 2. Images of the past*, St. Petersburg, p. 651.
13. Savelyeva, IM & Poletaev, AV 2006, *Knowledge of the Past: Theory and History. In 2 vols., vol. 2. Images of the past*, St. Petersburg, p. 651.
14. Savelyeva, IM & Poletaev, AV 2006, *Knowledge of the Past: Theory and History. In 2 vols., vol. 2. Images of the past*, St. Petersburg, pp. 654-655.
15. Savelyeva, IM & Poletaev, AV 2006, *Knowledge of the Past: Theory and History. In 2 vols., vol. 2. Images of the past*, St. Petersburg, pp. 659-665.
16. Savelyeva, IM & Poletaev, AV 2006, *Knowledge of the Past: Theory and History. In 2 vols., vol. 2. Images of the past*, St. Petersburg, p. 660.
17. Savelyeva, IM & Poletaev, AV 2006, *Knowledge of the Past: Theory and History. In 2 vols., vol. 2. Images of the past*, St. Petersburg, p. 660.
18. Savelyeva, IM & Poletaev, AV 2006, *Knowledge of the Past: Theory and History. In 2 vols., vol. 2. Images of the past*, St. Petersburg, p. 661.
19. Savelyeva, IM & Poletaev, AV 2006, *Knowledge of the Past: Theory and History. In 2 vols., vol. 2. Images of the past*, St. Petersburg, p. 661.
20. Savelyeva, IM & Poletaev, AV 2006, *Knowledge of the Past: Theory and History. In 2 vols., vol. 2. Images of the past*, St. Petersburg, pp. 662-664.
21. Savelyeva, IM & Poletaev, AV 2006, *Knowledge of the Past: Theory and History. In 2 vols., vol. 2. Images of the past*, St. Petersburg, p. 663.
22. Ricoeur, P 2004, *Memory, history, forgetting*, Moscow, pp. 293-319.
23. Ricoeur, P 2004, *Memory, history, forgetting*, Moscow, p. 293.
24. Ricoeur, P 2004, *Memory, history, forgetting*, Moscow, p. 294.
25. Ricoeur, P 2004, *Memory, history, forgetting*, Moscow, p. 294.
26. Ricoeur, P 2004, *Memory, history, forgetting*, Moscow, p. 295.
27. Ricoeur, P 2004, *Memory, history, forgetting*, Moscow, p. 296.
28. Kamenskiy, AB 2007, *Slice of Russian urban inhabitants. Historical anecdotes of provincial life of the XVIII century*, Moscow.
29. Ricoeur, P 2004, *Memory, history, forgetting*, Moscow, p. 299.
30. Davis, NC 1999, *Ladies on the sidelines. Three female portrait XVII century*, Moscow, p. 237.
31. Davis, NC 1999, *Ladies on the sidelines. Three female portrait XVII century*, Moscow, p. 237.
32. GUSO TsGASA. F. 170. Op. 6. D. 1558. L. 285.
33. Repina, LP 2009, *The new science of history and social history*, Moscow, p. 77.
34. Savelyeva, IM & Poletaev, AV 2006, *Knowledge of the Past: Theory and History. In 2 vols., vol. 2. Images of the past*, St. Petersburg, p. 664-665.
35. Savelyeva, IM & Poletaev, AV 2006, *Knowledge of the Past: Theory and History. In 2 vols., vol. 2. Images of the past*, St. Petersburg, p. 665.
36. Kamenskiy, AB 2007, *Slice of Russian urban inhabitants. Historical anecdotes of provincial life of the XVIII century*, Moscow, p. 11.
37. Kamenskiy, AB 2007, *Slice of Russian urban inhabitants. Historical anecdotes of provincial life of the XVIII century*, Moscow, p. 11-12.
38. Ricoeur, P 2004, *Memory, history, forgetting*, Moscow, p. 302.
39. Giddens, A 2005, *Sociology*, Moscow, p. 18.
40. Giddens, A 2005, *Sociology*, Moscow, p. 16.
41. Giddens, A 2005, *Sociology*, Moscow, p. 16.
42. Bourdieu, P 1994, *Beginning. Moscow*, p. 31.
43. Bourdieu, P 1994, *Beginning. Moscow*, p. 31.
44. Bourdieu, P 1994, *Beginning. Moscow*, p. 31.
45. Bourdieu, P 1994, *Beginning. Moscow*, p. 31.
46. Bogdanov, AA 1989, *Tectology. Universal organizational science*, Moscow, p. 131.
47. Foucault, M 1994, *The Order of Things. Archaeology of Human Sciences*, St. Petersburg.
48. Foucault, M 1999, *Discipline and Punish. Birth of the Prison*, Moscow.
49. Foucault, M 1999, *Discipline and Punish. Birth of the Prison*, Moscow, pp. 39-40.
50. Foucault, M 1999, *Discipline and Punish. Birth of the Prison*, Moscow, pp. 41-42.
51. Kuposov, NE 2005, *Enough to kill the cat! Critique of Social Sciences*, Moscow, p. 142.
52. Kuposov, NE 2005, *Enough to kill the cat! Critique of Social Sciences*, Moscow, p. 5.